АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА

ГР. КАПАНЦЯН

О ВНУТРЕННИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР
1952

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА

ГР. КАПАНЦЯН

О ВНУТРЕННИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Библиотека
К. Б. и І. К. Кананянъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1952

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА

ГР. КАПАНЦЯН

О ВНУТРЕННИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Библиотека
К. Б. и І. К. К, синьянъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1952

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета Академии наук
Армянской ССР

В своей основополагающей, классической работе „Марксизм и вопросы языкознания“ И. В. Сталин особо подчеркивает большую роль внутренних законов в развитии языка. Эта положительная оценка внутренних законов неразрывно связана с той постановкой вопроса о сущности и развитии языка, какую дал товарищ Сталин в отличие от имевшихся дотоле путаных подходов и особенно антимарксистской концепции Н. Марра. У последнего нет закономерностей в истории развития конкретного языка, ибо язык, по Марру, всецело находится под непрерывным и непредвиденным давлением внешних импульсов, зачастую подвергается скрещению с другими языками, теряя свое качество и структуру, и в силу этого получает скачкообразное развитие, независимо от структурных компонентов своей сущности и т. п.

Товарищ Сталин решительно подчеркивает эволюционный характер развития языка. „Марксизм считает,—пишет он,—что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества“[1]. И далее: „Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в те-

[1] Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 24.

чение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи..., при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает"[1].

Товарищ Сталин несколько раз подчеркивает роль „внутренних законов развития" победившего языка с заимствованием некоторого количества слов побежденных языков и отмечает, что изучение этих законов является „главной задачей языкознания". По этому поводу он пишет: „Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее,—она просто не замечает, или не понимает ее"[2]. И действительно, Н. Марр настолько оторвался от историзма языка, увлекся „теорией" стадиальности, „теорией" единого глоттогонического процесса с его четырьмя выдуманными элементами, голым умозрительным подходом к изучению языка и пр., что говорить о „внутренних законах развития языка" ему было совершенно невдомек и не под силу.

Но как понимают сейчас наши советские лингвисты эту постановку вопроса о внутренних законах развития языка?

Нужно сказать, что и до сих пор не удалось точно разграничить эту проблему от других областей или

---

[1] Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда", 1950, стр. 24—25.

[2] Там же, стр. 25—26.

сторон языковедческой специфики. Существует большой разнобой, и, как говорит В. А. Звегинцев[1], „...в советской научной литературе этот вопрос не только не получил сколько-нибудь исчерпывающего истолкования, но и вообще еще не подвергался обсуждению. Он неизбежно возникает при изложении всех языковедческих курсов, при исследовательской работе во всех областях общего и частного языкознания и часто получает весьма противоречивое формулирование, что приводит к большой путанице". Акад. В. В. Виноградов по этому поводу пишет: „Именно в них (т. е. внутренних законах развития языка) проявляется национальная самобытность языка. Иноязычные, заимствованные слова преображаются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствовавшего их языка. В историческом развитии словообразования также проявляются внутренние законы развития языка"[2].

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский под внутренними законами понимает те „...общие закономерные тенденции, устойчивые и в то же время исторически изменяющиеся, которые характеризуют качественные особенности данного языка, определяют пути его развития и совершенствования и появляются в частных закономерностях его изменения"[3].

По-моему, проявление этих внутренних законов всегда должно носить конкретный характер, сообразуясь со

---

[1] См. его статью в „Известиях" АН СССР, отд. лит. и языка, 1951, т. X, вып. 4, „К понятию внутренних законов развития языка", стр. 319.

[2] См. его „О трудах товарища Сталина по вопросам языкознания", Москва, изд. „Правда", 1951, стр. 68.

[3] Из тезисов доклада на сессии Института языкознания АН СССР 1—4 февр. 1952 г. в Москве.

спецификой данного языка, его структурой и данными исторического состояния языка, как продукта его развития. Эти законы могут быть продуктивными для данной эпохи данного языка и застойными или мертвыми для другой эпохи (периода) того же языка. Сфера их распространения охватывает как фонетическую сторону, так и особенно морфологическую—конструктивную, т. е. формообразовательную и словообразовательную. Фонетическая сторона должна быть использована постольку, поскольку ее звуковое переоформление („перебой", чередование и т. п.) создает новое содержание (грамматическое или лексическое) и приобретает более или менее устойчивое состояние. Так, например, индоевропейское чередование е ‖ о ‖ —(нуль), которое в звене е ‖ о создает в славянском из глагольной формы новое отглагольное существительное (стелю—стол, теку—ток, реку „говорю"—рок „судьба" и т. п.), или от несовершенного вида образует совершенный при чередовании а ‖ и, как бросать—бросить, метать—метить и пр., приобретает нормативный характер и содержание.

Все эти и подобные фонетические изменения должны быть отнесены к внутренним законам или закономерностям языка, ибо это есть лингвистическое явление или процесс, приобретающий в своем оформлении регулярность, нормативность и функциональность. А так именно и нужно понимать эти законы развития языка.

1. Качественность фонетических изменений

Рассмотрим отдельно те фонетические перерождения, которые могут казаться нам закономерными внутренними законами развития данного языка, а с другой

стороны, те из фонетических явлений, которые действительно служат средством образования этих внутренних законов развития языка, для его грамматических и лексических потребностей, совокупно могут преобразовать даже всю конструктивную систему языка в целом, являясь как бы начальным условием для совместных закономерных процессов в разных сферах и их частях, в комбинаторной общей увязке.

Уже Франц Бопп в своей сравнительной грамматике индоевропейских языков (в предисловии) говорит о своем намерении „...изучить физические и механические законы, которые управляют этими языками". Особо подчеркивается безусловность и почти абсолютность („слепость") фонетических законов у представителей младограмматического направления („Die Lautgesetze wirken mit blinder Naturgewalt"). Так же обстоит и у лингвистов социологического направления, где под фонетическим законом разумеется регулярное звукоотношение (соответствие) между соответствующими звуками однокоренных слов в родственных языках, как и в развитии данного языка от „праязычного" состояния. Напр., индоевропейские *p*, *t*, *k* в соответствующих словах переродились в германских языках в *f*, ϑ (Θ), *x*, то-есть в спиранты (а в другом положении в слове в *v*, δ, γ), а в армянском в *h* (из **ph*), *th*, *kh*, то-есть в аспираты, точно так же индоевропейские *b*, *d*, *g* отражаются в этих языках глухими простыми взрывными *p*, *t*, *k*. Например, в армянских словах индоевропейского происхождения имеем соответствие арм. t=русск. d=санс. d=лат. d в следующих однокоренных словах: арм. tajgr=русск. деверь=санс. dēvár., арм. ta-l=русск. да-ть=лат.dā-re=санс. dádāmi.,арм. tasn=русск.десять=санс. dáça=лат. decem..., арм. sirt=русск. сердце=лат. cor (cord-is). греч. kardía и пр., и пр. Но, конечно, эти

фонетические законы не абсолютны, имеют свои обусловленности в зависимости напр. от ударения, места в слове, времени действия и т. д., и т. п., и, как говорит Ферд. де-Соссюр, „Тягчайшая методологическая ошибка..., что формулируют фонетический закон в настоящем времени, как если бы предусматриваемые им факты существовали раз навсегда, тогда как в действительности они возникают и исчезают в определенном отрезке времени“[1].

Подобные фонетические законы имеют не только общий характер, т. е. стремятся охватить все слова, с редкими отклонениями от своей направленности, но и сохраняют свою динамичность в продолжение очень долгого времени. Вспомним, например, подобное неизменное действие сингармонизации гласных в урало-алтайских („тюркских“), финских и монгольских языках. Или, например, индоевропейское палательное g′ в армянском, как и в других satəm языках, отразилось в фрикативном z, но также с преобразованием в аффрикаты ç (ts) и č (tš), хотя подобная тенденция к аффрикатизации z в новое dz наблюдается также в поздних заимствованиях с иранского (в известном положении в слове, напр., в словах vardz „воздаяние“, gandz „казна“ и пр.), но это же явление наблюдается в заимствованиях и с аккадского, хурро-урартийского и хеттского языков, где z этих языков передалось в армянском через аффрикаты ç (ts) или чаще č (tš).

Быть может, лучше было бы эти фонетические законы назвать „устойчивыми регулярностями“ в этих корреспонденциях.

Наконец, эти фонетические „законы“ не могут в своей качественности соответствовать законам, скажем, юриспруденции, астрономии, физики или биологии.

---

[1] См. его „Курс общей лингвистики,“ Москва, 1933, стр. 139.

Сами же эти звукоперерождения происходят от разных физиолого-артикуляционных причин и приобретенных навыков, сперва в ограниченном размере, а потом и с тенденцией охвата всех подобных случаев.

В частности, при заимствованиях иноязычные слова испытывают преобразующее влияние заимствующего языка относительно несвойственных ему звуков или произносительных навыков, которые усваивающий язык приспосабливает к своим звукам и навыкам. И это вполне закономерно, ибо звуковое количество и качество, как и произносительные навыки, во всех языках различны. Например, одни языки имеют много аффрикатов или гортанных звуков, а другие почти не имеют или совсем не имеют их, одни языки могут начать слова с нескольких согласных, а другие не начинают слов даже с двух согласных, не начинают также с согласных *r*, *v* и т. п. Естественно, при заимствовании должно происходить такое приспособление (аккомодация) к своим „родным“ звукам и навыкам. Трудно назвать это приспособление „законом“. И когда акад. В. Виноградов говорит, что „Иноязычные, заимствованные слова преображаются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствовавшего их языка“, то такое понимание внутренних законов в отношении формы и содержания иностранного заимствованного слова будет чисто условным. Так, например, французское boulevard „бульвар“ заимствовано русскими и в просторечии даже стало произноситься „гульвар“ в связи с „гулять“ по ложному переосмыслению. Тут есть и морфологическое оформление (имен. пад., мужской род). Можно сказать, что французское слово русские национализировали. Условно всякое языковое

изменение—фонетическое, морфологическое и лексическое—как особая качественность, могло бы обозначаться термином „закон“, как принимается, например, традиционный „фонетический закон“. Следовательно, такими „законами“ будут изменения по аналогии, от действия силового ударения, т. е. редукции, изменения согласных вследствие палатализации, ассимиляции и диссимиляции, монофтонгизация дифтонгов и обратно, спонтанные звукоизменения, изменения значений слов по психическим ассоциациям по смежности, сходству и т. д., и т. п.

В таком условном аспекте я мог бы видеть в армянском слове ašxarh „мир“, заимствованном из иранского xšaϑra „имение“ (от корня xšā- „владеть“) пять подобных „законов“: 1) перерождение ϑr в арм. *hr, 2) метатезу *hr>rh, 3) метатезу начального xš>šx, 4) приставление „a“ к началу (что есть повторение серединного „a“), ибо армяне вообще с двух согласных не начинают слов, и 5) изменение значения „владение“ иранского слова у армян в новое значение „мир“.

Как я уже сказал, внутренний закон развития языка должен иметь не только тенденцию к осуществлению и регулярность в своем функционировании, но и общественно-языковую, фонетико-морфологическо-лексикологическую функциональность. В частности, он должен способствовать дальнейшему усовершенствованию языка, его структуры. В таком понимании если подойти к закономерному перерождению древнеармянских *b*, *d*, *g*, *dz*, *dž* в середине слов в *ph*, *th*, *kh*, *c*, č или, напр., к переходу др. арм. дифтонгов или трифтонгов в поздние монофтонги, то тут нет внутренних законов в подлинном смысле, а можно констатировать лишь фонетическую закономерность, и то в известной ограниченности, обусловленной соседством

того или иного согласного. Но когда в тибетском языке последний согласный глагольного корня из глухого состояния переходит в звонкое состояние, и это использовывается для перемены залога, или когда в языке эйре (ирландском) начальные глухие взрывные глагола меняются в звонкие, и это образует разные основы для времен (настоящего и прошедшего), т. е. когда подобные звуковые перерождения, регулярно происходящие во всех подобных случаях, дают возможность их использовать для новых и необходимых глагольных категорий и вообще концепционных целей, — то тут приходится уже засвидетельствовать наличие „внутренних законов развития“[1].

Можно, пожалуй, подвести под понятие внутреннего закона развития языка и тот случай, когда, вследствие редукции силового ударения и отпадения или перерождения древних тематических гласных основ имени с флексиями склонения, сокращается число оформленных падежей, и язык стоит перед необходи-

---

[1] В армянском также наблюдаются тенденции к перерождению согласных корня, но для образования новых слов, причем эта тенденция не переросла в закономерность и как бы замерла в своем начале. Отметим уже в древнеармянском перерождение согласного t в новые ç и s, как tatanim „колеблюсь“ (от простого tanim „уношусь“), çaçanim „колыхаюсь“, sasanim „колеблюсь“ (в нравственном смысле), или th ‖ ç ‖ s в словах thor-el „сочить“, çor-el „сочиться“, sor-el (в диалектах) „медленно пускать“ (игральную костечку), проступать (зубы ребенка), sor tal (арар. и ванс. диал.) „медленно выпадать“ (о муке из-под жернова), или c ‖ č ‖ s напр. в словах (диал.) səmkh-el „высохнуть“ (от camakh „сушa“), čəmkh-el „высохнуть“ (о фруктах), səmkh-el „высохнуть“ (о руке), „скорчиться“. Есть от məřuth „морда“ новое ласкательное məguth „мордочка“ и уничижительное məřuz (напр. məřuzə kaxel a „он опустил морду“, т. е. стал недовольным).

мостью передать старые падежные содержания предлогами, т. е. описательно, прибавляя к неоформленным словам эти служебные слова. Вследствие этого флективно-синтетический тип языка, хотя бы в этой части морфологии, переходит в новый, изолирующий-аналитический тип, как это произошло с древними германскими языками, в том числе и с английским. Ср. подобное явление отчасти и с французским. Таким образом, грамматическое содержание сохраняется, но форма его передачи радикально меняется.

Как видим, фонетическое перерождение или изменение может послужить причиной того, чтобы вся система изменилась, и создалась новая структурная система, совершенно противоположная первоначальной. Тут содержание (падежное) остается, но оформление уже другое. Конечно, это произошло не сразу, а в продолжение долгого времени, причем сравнительно-исторический метод оказывает в этом деле большую помощь для выяснения исторического состояния данного явления (именного склонения) в древности, как наследие индоевропейского оформления. Как правильно подчеркивает проф. А. В. Десницкая[1], „Изучение внутренних законов развития языка неразрывно связано с изучением истории конкретных языков; оно неотделимо от этой реальной истории, основывается на ней. В то же время история развития грамматического строя, словаря, фонетики каждого языка получает теоретическое освещение, обобщается при выявлении внутренних законов, лежащих в основе этого развития“.

Как показывают все вышеприведенные примеры, для определения внутренних законов развития языка в нем

---

[1] См. ее статью „Сравнительно-исторический метод“ в „Известиях“ АН, отд. лит. и языка, 1951, стр. 344.

имеются конкретно исторические бытования, и то для данного периода жизни того или иного языка, где это бытие есть определенная степень исторического развития. Мы видели также, что не всякий процесс приобретает языковую сущность и функциональность. Фонетические изменения могут соответственно вторить и оформить подобный семантико-лексический и грамматический процесс или явления, но могут и не вторить этому и иметь число фонетическое значение. Точно так же неправильно подходят некоторые лингвисты, когда в этих внутренних законах непременно хотят видеть как бы телеологическую направленность, непосредственную цель развертывания качества языка, совершенствования системы языка в его непосредственной потребности. С этой точки зрения я бы поставил вопрос: какое совершенство и непосредственная потребность были в германских языках для изменения морфизации именного склонения из флективного на формально предложное?

В дальнейшем я рассматриваю характерные закономерности из истории развития армянского языка с их разностепенной выявляемостью. Число их доходит до десятка. Они касаются инфигирования плавных для словотворчества, дифтонгизации корня или основы глагола для образования отглагольного существительного, образования грамматической категории именного рода (человека, времени), звукоподражательных слов со специфическим оформлением повторов и выделением в отдельное слово второго компонента, историчности звукопереходов новоармянского языка, доминантства мышления и др.

Приведенные для показа образования внутренних законов примеры из армянского языка (древнего или современных диалектов) характеризуют эти законы или в зачаточном, или в уже оформленном и продуктивно действующем, или же в давно застывшем состоянии. Эти своеобразные оформления, конечно, носят местный, специфический характер, т. е. самобытны, как бы национальны, по выражению акад. В. Виноградова, но их конкретно языковая практика не абсолютна и может вторить образованиям в других языках, в разных других оформлениях и качествах, сообразно историческому состоянию этих языков. Эта конкретность и общность особенно будут видны из показа словообразования на звукоподражательных корнях, в которых также выступает момент историзма.

2. Инфигирование r и l (ł) для словотворчества

Мы знаем, что во многих языках—индоевропейских, семитических, кавказских и др.—в корень слова может вставляться какой-либо согласный звук (напр. *r*, *n*), используемый для словотворчества или грамматической цели. Эти инфиксы не могут быть объяснимы по происхождению, и их случайный характер не вызывает сомнения. Напр., в основу настоящего времени вставляется *n* (ср. лат. findo, scindo...) или *na*, как в санскритской форме наст. вр. rinakti „оставляет“ от √rik-, или же между начальным согласным и следующим гласным вставляется r (speech- и sprech- „говорить“ в английском и немецком, bek- „ломать“ в армянском и индоиранском и brech- в германском и пр.).

В армянских диалектах, как отчасти и в древнеармянском, существовала тенденция инфигирования

твердого или мягкого l (ł, l), твердого или мягкого r (ř, r), которые начали было образовывать новые формы слова с новым значением или нюансом значения. Но процесс этот не стал продуктивным, как бы замер в своей начальной стадии. Например, 1) от обыкновенного sur „острый“ имеются диалектические slur „остроконечный“ (гора, голова, скала, холм...), что через полногласие дает и формы sulur, sulur-ik и т. п., 2) от народного bənd-el „как-нибудь зашивать, заплатать“ (bənd-or-el || bəndz-or-el, bəndbənd-or-el усилительные формы) имеем bləndel, bləndz-or-el с тем же значением, есть и bland-el и др., 3) от čor- „качаться, шататься“ (при ходьбе), как у константинопольских, ванских и других армян, имеем у битлисцев и ванцев čłor (čγor) „качели, люлька“, араратское člor-thi (id.) и пр., 4) общеарм. šert „слой, расколотая вещь“ (этот корень в форме šerd- „расколоть“ есть и в урартском и семитических языках) дает у современных карабахских армян šłard или šłardž „отрезанный сверху книзу слой“ (арбуза и пр.), 5) от древнего kor „согнутый“ имеем klor „круглый“ и через полногласие kolor, kolor-ik „кругленький“, 6) от mur „сажа, копоть“ имеем в Акне mlur (id.), 7) от диал. pok-el „оторвать“ имеем plok-el „содрать“ и т. п. А что полногласные формы образовались из неполногласных первичных, подобно славянским град—город, хлад—холод и пр., так за это говорят и армянские образования из заимствованных слов, как от аккадского zupr-u „коготь“ имеем др. арм. čapur „коготь“, откуда через посредство несохранившегося *čłapur имеем глагол čołopr-el „вырвать“, как от акк. ḫabt-u „грабеж“ имеем арм. kaput „грабеж“, что через *kłaput дает kołoput (то же значение), или от мингрельского čuburi „каштан“ имеется карабахское армянское čłopur>čołopur „орех“. Ср. также

инфиксацию „l“ во втором компоненте повтора košt и plošt „грубый“ где plošt<*pošt<košt „грубый“.

Звуки „l“ и „ṙ“ вставляются и между последним коренным согласным и гласным следующего суффикса. Эта динамика опять-таки господствует в диалектах, так от soth tal „скользнуть“ имеем soth-l-ik „скользкий“, от phəth-el „гнить“ имеем phəth-ṙ-uk „гнилой“ и т. п. Особенно продуктивной оказалось это внесение „l“, „ṙ“ перед уменьшительным суф. -ik, когда от их слияния получаются новые суффиксы -lik и -ṙik, причем первый приобретает сугубо уменьшительно-ласкательный характер, вроде русских малюсенький, тихохонький. Так, имеем: sut-lik „врунишка“ (от sut „ложь“), kok-lik „гладенький“ (от kok „гладкий“), hast-lik „толстенький“ (от hast „толстый“), saçlik „низенький“ (от saç „низкий“), karçlik „коротенький“ (от karç короткий), bara-lik „тоненький“ (от barak „тонкий“) и т. д., и т. п. Но второе образование на -ṙik дает уничижительное значение, как то: hušt-ṙik „пугливый“ (от hušt anel „вспугнуть“), hev-ṙik „быстро дышащий, впопыхах“ (от hev-al „запыхаться“), loth-ṙik „обжора“ (от lothi „небрезгливый“), ceth-ṙik „часто мочащийся“ (дитя) от ceth-el „мочиться“, hast-ṙik „толстущий“ (от hast „толстый“) и т. д. Армянские диалекты создали это уничижительное образование на -ṙik, потому что была нужда в нем, и армянский язык дотоле его не имел. Здесь использованы были жесткий дребезжащий характер ṙ для уничижения или пренебрежения и мягкий характер звука l для ласкательного характера. К несчастью, эта словообразовательная тенденция как бы запнулась в диалектах и недостаточно используется в современном литературном, общенациональном языке.

3. Дифтонгизация корня или основы глагола через прибавление к их гласным сонанта w для образования отглагольных имен существительных

Есть еще в древнеармянском языке внутренняя закономерность с внесением в корень или основу глагола сонанта w, который вместе с гласным этого корня или основы образует дифтонг и создает из этой новой глагольной формы отглагольное имя существительное. Если последний согласный этого корня или основы переднеязычный аффрикат č (thš) или ç (ts), то этот сложный согласный теряет свой второй элемент š или s. Эта закономерность, впервые выявленная мной, уже к пятому веку нашей эры, когда появилась у армян письменность, была определившейся и законченной, но уже застоявшейся, непродуктивной. Смело можно сказать, что она отмерла. Приведем примеры: 1) от корня git- (из инд. евр. *wid-) „находить", что редуцируется в gət- (др.-арм. gət-an-em „нахожу"), имеем существительное giwt „находка", 2) от корня mat-„приближаться" (наст. вр. mat-č-im „приближаюсь") имеем прилагательное и наречие mawt „близкий, близ", 3) от корня hes-„вить, сплетать" (наст. вр. hes-um) имеем hews (пишется и hiws) „сплетенная нитка", 4) от корня jat-(jat-el) „отрезать" имеем jawt „отрезанные сучья", 5) от основы than-al „намочить" имеется thawn „дождь, сырость", 6) от araç-el „пасти"—arawt „пастбище", 7) от amač-el „стыдиться"—amawth „стыд", 8) от çanač-el (из *çanač-el) „узнавать" (çan- из и.-е- g'en-„знать") имеем çanawth „знакомый", 9) от ałač-el „молить, просить"—aławth „молитва", 10) от корня gaç- „опоясывать себя" в глаголе z-gaç-im или z-gaç-n-um „опоясывать" имеем существительное gawti „пояс, кушак" и т. д. Имеется пережиточно и имя baławth „обвинение, кляуза", что

273—2

ՀՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

свидетельствует о существовании некогда глагола *baǰač-em „обвиняю“.

Как видим, это фонетико-морфологическое явление стало полноценной закономерностью, как бы внутренним законом для составления отглагольных корней или основ нового лексического качества, а именно существительных. Это показывает также, что закономерность ограничена в своем действии временем и может остановиться. Наконец, это явление может иметь историческое значение: вероятную генетическую увязку с некоторыми индоевропейскими языками.

4. Возникновение новых именных категорий рода (человека, времени) как новоармянское явление

Мы знаем, что языковое мышление для организации сообщения прибегает к специфическим для этого грамматическим понятиям—категориям (падежные функции, число, род, время и пр.), числом до девяти. Многие из них древнейшего состояния, как роды или именные классы, где предметы классифицируются и получают соответственные для этого звуковые показатели. Армянский язык потерял такие категории: их нет в древнеармянском, а также в большинстве армянских диалектов. Современные диалекты также не сохранили их, но современный араратский диалект, а отсюда и литературный язык, выработал категорию личности (человека) в отличие от всех других предметов, и это выявляется при прямом дополнении: если оно есть имя определенного лица, то форма винительного падежа идентична с формой дательного падежа, подобно русским именам одушевленного рода, которые как прямой объект ставятся в форме родитель-

ного падежа. При прочих же случаях (неопределенное лицо, предмет) прямой объект ставится в форме винительного падежа, похожего на именительный. Например: jes tesa mi usanoł „я увидел одного студента“, но jes tesa im usanołin „я увидел моего студента“.

Армянские диалекты создали и одну категорию, я бы сказал „грамматическую категорию имен времени“, которые обособляются в мышлении, как особая группа, и при склонении они выделяются особой формой родительного падежа на -wa, откуда и исходный падеж на -wanic, например, or „день“, род. пад. orwa, исх. п. orwanic..., šabath „суббота“, „неделя“, šabathwa (род. п.), šabathwanic (исх. п.)..., tari „год“, tarwa (род. п.), tarwanic (исх. п.) и т. д.

Спрашивается, чем объяснить выделение в мышлении слов, обозначающих время? Ведь такой именной категории класса (рода) существительных нет во всех языках мира. Есть, например, род одушевленных и род неодушевленных имен, мужской и женский роды, род имен животных, род человеческий и прочих предметов, род высших существ и род низших (в дравидском) и т. д. Но чтобы выделять каким-либо показателем имена времени, это, как я сказал, не засвидетельствовано. Мне думается, что эта закономерность, как и отличение названий человека в форме определенного объекта переходного глагола, могла быть случайной, в зависимости от отклонений от нормы склонений в одном или нескольких случаях. А мышление это могло аттестовать и сохранять, распространяя и на другие случаи. Так или иначе, сейчас в новоармянском языке возникли две категории: 1) человека и прочих существ или предметов и 2) времени (не смешивать эту именную категорию времени, лучше „класс“ или „род“ времени, с временной категорией

в глаголах). Это новое языковое содержание с оформлением в склонении сейчас стало для армянина вполне закономерным явлением.

5. Закономерности при словообразовании от звукоподражательных корней

В данном подразделе я бы хотел разобрать звукоподражательные слова армянского языка и показать, что даже в них есть не только общеязыковое, общечеловеческое, но и местное, конкретное, приобретающее своеобразные закономерности в разные эпохи жизни языка. Разную оформленность видим и в обыкновенных звукоподражательных словах, как русск. „бормотать“, нем. murmeln, арм. mərmərth-al и пр., или же русск. свистать, нем. pfeifen, франц. siffler, арм. sul-el, народное šəvacn-el и пр., но нас должен интересовать вопрос, выявляется ли в этой разнооформленной практике конкретных языков какая-либо закономерность, которая служила бы для нового словообразования и, тем самым, приобрела бы общеязыковую лингвистическую ценность по своему методу образования, но приобрела бы и конкретность в своем оформлении в историческом разрезе для данного языка, т. е была бы продуктивной или отмершей, смотря по времени.

В древнеармянском есть до девяти глаголов, в основе которых есть звукоподражательный общий элемент -ajth *(-այթ)*, к началу которого прибавляются модифицирующие согласные p, č, k, ž, v, c, s, g.., так что получаются pajth-el „взрываться“, čajth-el „треснуться“, kajth-el „прыгать, танцовать“, žajth-kh-el „исторгаться“ (о вулкане), cajth-el „исторгать“ (жидкость), vajth-el „исторгать“ (луч, жидкость), sajth-akh-el „проскользнуться“ (народное sōth tal), gajth-el (тот же смысл). Возможно, что xajt-al „прыгать, радовать-

ся“ с тем же -ajth с дезаспирацией th, чтобы не смешалось с глаголом xajth-el „ужалить“[1].

Что вышеприведенные корни изначально имели звукоподражательный характер, так на это отчасти указывают и тюркские čathlamak „трескаться“, phathlamak „лопнуть“, которые, конечно, независимы от армянского.

В армянском замечательна эта закономерность образования все новых и новых звукоподражательных глаголов с первичным их основным элементом в конце и варьирующими или модифицирующими разными согласными в начале. Этот процесс наблюдается и сейчас. Например, при выражении разных видов звучания или шума, к основному второму элементу z (звучание) или š (шум) прибавляются вначале разные варьирующие согласные: təzz-al (təzəz-al), bəzz-al (bəzəz-al), xəzz-al..., thəšš-al (thəšəš-al), xəšš-al (xəšəš-al),

---

[1] В народных диалектах эти звукоподражательные корни дают разные формы с изменением дифтонга aj в o или ē, как, например, vajth-el>vōth-el, sajth-akh-el (корень sajth-)>sōth- в выражениях sōth tal „спотыкаться, соскользнуть“, sōthlik „скользкий“; cajth-el „исторгать жидкость“>cēth-el „мочиться“, возможно pajth-el> pōth-el> *pōrth-kh-al „вспыхнуть“ и т. д. Большей частью это aj превращается в ə с вставкой затем и сонанта r, как то: vərth-kh-al „вспыхнуть“, čərth-kh-al „треснуть“, cərth-kh-al „брызнуть“ и др., с суф. kh. От cajth-el „исторгать жидкость“ есть и без суф. kh образование cərth-el „исторгать детеныша, рожать“ (о кошке, собаке, волке и др.), с вставкой „r“, т. е. имеются cajth-el>cēth-el>*cəth-el>cərth-el. Ср. араратское bōth-el „толкать“ из *bajth-el, откуда через *bəth-el с вставкой r имеем berth-el (id.). Даже в древности было gajth-el и gəth-el, xajth-el и xəth-el „ужалить“ и пр. с переходом aj>ə перед th. От vajth-el „исторгать“ есть и народное vēth в сложном džərvēth „водоиспускание“ (=мочеиспускание).

fəšš-al и пр., хотя есть и раздельное повторение новопроизводных этих корней, как təztəz-al, bəzbəz-al, xəzxez-al..., thəšthəš al, xəšxəš-al, vəšvəš-al и т. д. Основообразующий главный звук может быть и ž, как təžž-al, vəžž-al.., или təžtəž-al, vəžvəž-al и т. п.

Разница между двумя вышеприведенными разновидностями та, что первая из них, с элементом -ajth, сейчас большей частью не сознается, не чувствуется их звукоподражательность, особенно в формах sajth-akh-el и gajth-el или gajth-ak-ł-el (спотыкаться, соблазниться), а вторая разновидность с основообразующим формантом z, ž, s, š сейчас жива и непосредственна и представлена в разных формальных преломлениях также в других языках.

Но у армян в древности также был и другой подобный тип для образования звукоподражательных слов, о чем говорил еще проф. hP. Ачарян. Тут основная часть тоже в конце и звучит -ač или -anč, причем „а“ может и выпасть или замениться ə, а в начале прибавляются различные варьирующие согласные звуки, преимущественно издаваемые животными. Характерно, что после этого начального согласного может вставляться (инфигироваться) твердое ř, как бы усиливая действие, и тогда получаются все новые и новые слова звукоподражательного характера. Например: 1) bač-el „мычать“, bənč-el (id.), откуда břənč-el (id.) из *břanč-el, что стало через полногласие и bařanč-el, 2) mənč-el „вздыхать“, откуда mřənč-el (или mřənč-al) „мычать“, 3) kanč-el „звать“, но křanč- el>křənč-el и kařanč-el (с полногласием) „кричать“ (напр. о верблюде), 4) šač-el „издавать лязг“ (с šəč-el „издавать сиплый голос, свист“), откуда šařač-el (<*šřač-el) с тем же значением, 5) xanč-el, xənč-el (xəndž-el) „брюзжать, хрюкать, насморкаться“, откуда xřənč-el, „храпеть“,

6) thač-el „издавать прерывистые звуки“ (при молитве), thanč-el (id.), thařač-el или thařanč-el „вздыхать“ (при болях), 7) phənč-el (или pənč-el) „фыркать“, 8) hač-el „вздыхать“ (не смешивать с hadž-el „лаять“), откуда hařač-el „вздыхать“, hač-el hařač-el (id.) и пр. и пр. Эту звукообразующую часть -ač или -anč не нужно смешивать с однозвучным -ač или -anč в глаголах čanač-em „узнаю“ (корень čan- < *çan- „знать“), amač-em „стыжусь“ (это -ač уже не выделяется), mełanč em „совершаю вину, грешу.“ в которых это -ač или -anč образовало видимо начинательные глаголы (ср. thər-č-im „летаю“, pak-č-im „ужасаюсь“, mart-nč-im „борюсь“, kor-nč-im „пропадаю“ и пр.), как основу настоящего времени, что уже в древнеармянском языке не сознавалось.

Сам звукообразовательный элемент -ac || -anč сейчас не сознается; вероятно такое многообразие слов с этим элементом обязано своим происхождением на начальном его сознавании в одном или двух примерах, по аналогии с которыми в дальнейшем получились новые образования, как это было с начальным же звукоподражательным элементом -ajth (см. выше), позже вымершим.

В армянском, однако, есть звукоподражательный формант и в *начале* слов, хотя он сейчас уже плохо воспринимается. Тем не менее от этого элемента, общего для многих ближних и дальних языков, в армянском образовалось много производных форм для основ, что несомненно приобрело закономерный характер. В этой же конкретизации по форме и значению я и вижу самобытное, как бы национальное значение данного звукоподражательного корня. Звучал он ləx- и обозначал первично глухой шум текущей (двигающейся) воды. Хотя это ləx- бытует

в диалектах, это, однако, отнюдь не свидетельствует в пользу того, что и в древности языки не имели подобного корня и его звукоподражательного значения, что мы докажем ниже.

Обратимся прежде всего к армянским современным материалам.

В хемшинском арм. диалекте есть ləx-al „течь“, в Сасуне ləx-al „двигаться“ (говорится о жидкости), напр. о движении пахты (арм. than) в бурдюке, откуда ləxaci ē „с места сдвинулось“ в переносном смысле, как у мушцев имеем xuphə kə ləxa „покрышка котла двигается“. Имеются большей частью повторы, как ləx-ləx-al „(раз)двигаться“ (напр. стул, нога в сапоге, тело жирного человека, курдюк овцы...), как говорят в карабахском, мушском, константинопольском и некоторых других диалектах, или у армян Сведии ləx-ləx-al „лакать“ (о собаке). Есть и производное ləx-k-el или ləx-k-al, как и их повторы ləx-ləx-k-al, как, например, в араратском и прочих диалектах, ləx-k-el „стать тухлым, „жиденьким“ (говорится о фруктах, яйцах), или же „растаять“ (замерзшая земля, что перерождается в ləš-k-el „немного растаять“ (ср. древн. арм. lək-el с тем же значением). Формы ləx-k-al или ləx-k-el показывают о движении жидкости с глухим шумом в чем-либо (в котле, в бурдюке, в сосуде...). Есть и производное ləx-p- напр. в ləx-p-or „жиденький“ (абрикос, цыпленок, только что вылупившийся), ləx-p-ik „промокший“ (от дождя), как и ləx-t-ik (из *ləx-ik) „жирненький“ и т. д.

В других языках имеются: груз. lx-oba „таять, растаивать, оттаивать“ (по Чубинову), каковое значение дают и армянские диалекты (арарат. ləx-k-el и др.-арм. lək-el). Сюда же относятся и латин. liqu-eo „стать жидким“, откуда liquidus „жидкий“ (=англ. liquid,

франц. liquide и пр.), хеттское laḫu- || laḫḫu-или laḫ(ḫ)-ua- (3 л. ед. ч.=laḫḫuwai || lāḫuwai) „лить, вылить“, laḫḫus „таз, водоем, басейн“ и пр., урартское ulx- орошать, что вошло и в арм. язык в форме ułx „поток, ливень“, где начальное „u“—урартский (и хеттский) префикс со значением „сюда“. Интересно, что хеттский laḫu- и лат. liqu-eo (liqu-e-sc-or) сохраняют совместно лабиальное w, как наращение к первичному lik- || laḫ-[1]. По оформлению корня армянское ləx- ближе к грузинскому lx-oba, немного отдаляется по огласовке от хеттского laḫ-u-, а еще более от лат. liq-u-. Армянское ləx- дает еще три деривата: *ləx-k-* (из ləx-kh-, ср. сасунское ləx-kh-uk „тухлый, вонючий“, как ругательное слово), *ləx-t* (ср. ləx-t-ik) и *ləx-p-* (в словах ləx-p-or и ləx-p-ik).

Таким образом, этот общий во многих языках морфологический звукоподражательный элемент ləx- в армянском отложился специфически и продуктивно как в тонкостях смысла, так и в оформлении, сохраняя отчасти и сейчас свой звукоподражательный характер.

6. Закономерности словообразований вследствие „лексической диссимиляции“

В этом разделе я выдвигаю одно очень интересное языковое явление общего характера, которое условно называю *лексической диссимиляцией.* Явление это зиждется либо на повторении рядом самого слова (корня) с дифференциацией (диссимиляцией) одного из компонентов этого повтора и с дальнейшим его выделением в самостоятельное слово, либо же без такого

[1] Подробнее см. мою брошюру на арм. яз. „Звукоподражательные два элемента“, Ереван, 1948.

непосредственного их совместного употребления. Армянский язык особенно любит прибегать к этому словотворческому приему, и я ограничусь главным образом этим.

Процесс такой морфологической диссимиляции приобретает строго закономерный характер, действуя особенно в диалектах, хотя ее древнейшая практика засвидетельствована также в древнеармянском языке.

Раздельное повторение слова вообще должно было быть свойственно всем языкам и придавало именам усиление качества (признака) или числа (множественности, коллективности). Напр., часто (и) часто, синий-синий (очень синий), еле-еле. чуть-чуть... арм. parap-parap „праздно-препраздно“, meç meç „очень большой“, šut šut „очень спешно“, хеттск. kiššan kiššan „так (и) так“, lammar lammar „часто и часто“(?)..., хурр. tišan tišan „очень (и) очень“.., санс. damē damē „в каждом доме“, divē divē „ежедневно“, лат. quis quis „каждый“.., японские choko choko „поспешно“, tobi tobi „часто, много раз“ (от tobi „раз“), jama jama „горы“.., манчжурские džalan džalan „времена“, ba ba „места“ (множ. ч.).., бушменские poa poa „ноги“.., австрал. jerre jerre „дети“ и т. п. Я уж не говорю о глагольной редупликации и формах ее употребления, когда эти слова от соположительного повторения постепенно переходят в цельные сложения, вроде армянских phorphor-el „раскапывать“ (от phor-el „копать“), xarxar-el „разрушать“, džaxdžax-el „сокрушать“ (при простом džax-el) и т. п.

Но в этом последнем случае одинаковые компоненты повтора начинают уже меняться, сокращаясь или звукоизменяясь либо в первой части, либо во второй, так что получаются многочисленные диссимилирован-

ные разновидности, число которых в армянском превышает один десяток. Например, сокращаются в первом компоненте армянские pho-phox-el „переменять“ (от phox-el “менять“), da-dar-el “переставать“ (от dar-el), pa-pandz-el „умолкать“..., хеттские ta(t)tar- „мыть, тереть, стирать“ (от корня tar-, ср. лат. ter-ō русск. тереть и др.), ninik- (от nik), „собирать“, kukkur- „отрезать“ (ухо), duddumili „немой“ и пр. и пр., или же во второй части, как армянские xab-eb-a „лгун“ (от xab-el „обманывать“), šałph-ałph-el „говорить вздор, болтать“, hajth-ajth-el „доставать, снабжать“ и т. д. Но особенно часто эти компоненты, как раздельные слова так и соединенно, меняются в своих звуках не сокращаясь, так что получаются своеобразные ассимилятивные виды, как армянские phəšrel-məšrel „раскрошить“ (от phəšur „кроха“), xəčəčel-məčəčel „запутать“, parap-sarap „праздно-препраздно“ (от parap „незанятой“), hastamest „претвердый“ (от hast „твердый“), xajtabłēt (из *xajtabēt) „пятнистый, пестрый“ (от xajt „пятно“) и т. п., вроде русского тары-бары или японских xito-bito „люди (от xito „человек“), tokoro-dokoro „разные места, там-сям“ (от tokoro „место“), kuni-guni „разные страны“ (от kuni „страна“), sina-zina „способы“ и т. п.

Особенно следует отметить тот повтор (редупликацию), когда во втором компоненте меняется первое согласное на „m“ или прибавляется это „m“, как имеются уже в древнеармянском šogmog „подлиза, подхалим“, hastamest „претвердый“, ałdžamułdž „сумерки“..., новоармянские диалектные phəšrel-məšrel, klor-mlor „кругленький“, hac-mac „хлеб и пр.“, каковое явление свойственно и турецким языкам, как ath-math „лошади“ (от ath „лошадь“), khithab mithab „книги“ (от арабск. khithab „книга“)..., грузинскому, арабскому. Может быть и внутренняя переогласовка во втором пов-

торе (напр. a || u), как новоармянские manr-munr „мелкий-премелкий“ (от manr „мелкий“), çak u çuk „разные отверстия, дыры“ (от çak „дыра“), xaṙnixuṙn „смешанный“ (от xaṙn „смешанный“) и т. д., что есть и в турецком языке, как phalas phulus „лохмотья“ и пр.

Но при всех этих общеязыковых явлениях повторности или редупликации в армянском есть еще одна особенность, которая как будто только ему и свойственна: диссимилятивная разновидность повтора может отделиться и стать самостоятельным словом с тем же или близким значением. Такое новое слово может образоваться и без непосредственной повторности, а как бы мысленно отпочковаться от основной первоначальной формы, как модели. Для первого случая, например, в диалектах имеем: 1) от xəčəč-el „запутать“ через повтор xəçəčel-məčəčel „очень запутать“ имеем выделенное новое məçəč-el с тем же значением (в ванском, араратском диалектах), 2) от phəšr-el „раскрошить“ через повтор phəšrel-məšrel имеем новый глагол məšr-el (в тех же диалектах) со смысловой дифференциацией phəšr-el „раскрошить твердые вещи“, а məšr-el „раскрошить или размельчать рыхлые вещи“ (от начального слова phəšur<phəxur „рыхлый, крошка“)[1]; 3) от luṙ „послушный“ через luṙ-muṙ или luṙ u muṙ имеем новое muṙ (id.) и глагол məṙ-el „слушаться (в средних веках и в совр. диалектах), məṙ-uk „покорный“ и возможно mundž „немой“ (<*mudž<muṙ), 4) от olor „завиток“ (olor-el „вить“) через olor-molor имеем molor „заблудившийся“ (откуда molor-ak „планета“);

[1] Этот корень phxur || phuxr „рыхлый, хрупкий“ есть и в грузинском, как мегр. phxureba „крошить“, phušruk „кушание из муки и меда“ и т. д. (см. мою работу „Происхождение древнеармянского слова amehi“, Зап.-вост. отд. Русск. арх. общ. т. XXIII, Петроград, 1916, стр. 350).

5) от pałat-el „упрашивать, молить“ в карабахском диалекте образуется повтор ałat-pałat „мольба“ и выделяется часть ałat в форме твор. падежа ałatov „умолительно“ и ałat-ałat как новый повтор со значением „сердобольно, удрученно“.

Но еще больше имеется новообразований не через непосредственное повторение и отделение (отпочковывание) нового компонента этого повтора, а через мысленное противополагание и диссимиляцию, как бы минуя формальное повторение (редупликацию). Это явление, как чисто армянское своеобразное словообразование, бытовало еще в древности и продолжается еще сейчас в диалектах. Таковы, по-моему, армянские *mux* „дым“ в связи с более древним çux, как армянский эквивалент хеттского tuḫḫuis „дым“, затем *ustr* „сын“, как новообразование от dustr „дочь“ (ср. повтор „и родил царь usters dsters bazums = сыновей и дочерей многих“ у древних арм. историков) подобно тому, как у ванских армян сейчас имеется urus murus в значении „усы-борода“ (от murus „борода“)[1].

Этой же форме новообразований я приписываю ерзнкайское слово *arikh* „возраст“ от обыкновенного и

---

[1] Тенденция сокращения в повторе первого согласного первого компонента очень распространена в армянских диалектах, как, например: akhan-cakhan (*աքան-ցաքան*) „рассыпно, врассыпную“, ařkhov-phařkhov (*առքով-փառքով*) „преславно“ (от phařkh „слава“), ač^i^č-pač^i^č (*ճճիճ-պճիճ*) „карлик, невзрачный“, aklez-pəklez (*ակ-լեզ-պըկլեզ*) „выскочка, легкомысленный“, arał-čarał (*ապաղ-ճապաղ*) „разливно“, Asis-Masis (*Ասիս-Մասիս*) „Малый и Большой Арарат“, ajlun-phajlun (*այլուն-փայլուն*) „блестящий, блестяще“, əłlundž-bałlundž (*ողլունջ-բաղլունջ* в Агулисе) „вздоры“, aval-thaval (*ավալ-թավալ* в арар. и ванск. диалектах) „барахтание в грязи или на земле“, arunkh-garunkh (*արունք-գարունք* в Тавризе) „весна, весенняя пора“ от garun „весна“ и т. п.

древнего tarikh (id.) от tari „год“, слово *mast* „большой или толстый“ у малатийских армян в связи с обыкновенным hast „толстый“ (в древности „твердый“); сравни hastamest „претвердый“ в древнеармянском. Этой же тенденции выделения обязаны диалектные *məndzərwel* „обжечься“ (платье и пр.) при старом xəndzərwel (id.), *mərər-al* при çərər-al „ныть, хныкать“, *mərandi* (или *marandu*) у араратцев и ванцев в значении „крупный и круглый серп“ при обыкновенном gerandi (или gerandu) „коса“ у пахарей. Точно так же от слова xorovu „сжаренный целиком (с головой) в тонире баран или овца“ в араратском диалекте есть новообразование *gorovu* „варимая в горшке крупа (dzavar), на которую падают жирные капли от xorovu“. В одной народной песне я слышал образование *inar* в связи с činar „платан, чинара“ в двустишии: inar jarin em asel | činar çaṙin hoj hoj „инару другу я пою, чинаре дереву, ой, ой“.

Как видно из всего вышеприведенного, *диссимилятивное словообразование либо через повторы, что у армян очень часты, либо минуя это формально, представляет вполне закономерное явление, продолжающееся в практике в диалектах и до сих пор.*

7. Историзм в становлении языкового явления по данным развития армянского языка

Я уже подчеркнул, что размеры осуществления языковых закономерностей не безграничны, что многие из них были уже не продуктивны даже в древнеармянском и как бы замерли, имея для этого видимо и лингвистические рамки распространения, т. е. отчасти формальные, как и общие культурно-исторические. Спонтанность или самобытность многих фоне-

тико-морфологических и фонетико-лексикологических новообразований в армянском языке, даже на чисто звукоподражательном материале, как мной было показано, не вызывает сомнений, хотя очевидны и их общелингвистические корни и подосновы. Оформление этих армянских (общих или диалектных) закономерностей развития, с привносом даже новых морфологических категорий (как, например, рода), естественно, может иметь для себя как задерживающие, так и ускоряющие обстоятельства. Нет сомнения, что в число этих ускоряющих обстоятельств нужно включить культурные и общеполитические условия современности с ее развитым общением.

Для нас сейчас очевидно, что в Советской Армении выработанный общий, единый, национальный язык естественно пресекает те подчас стихийные словообразовательные и чисто фонетические закономерности или процессы, которые бытовали и даже сейчас бытуют в наших диалектах. И естественно, что наш современный язык может только использовать эти народные диалектные выражения, вроде вышеприведенных разнооформленных повторов (редупликаций), но сам создать их уже не в состоянии, ибо эта схема для него уже мертва. Сами же диалекты, со своей стороны, перестают существовать и оказать влияние своими закономерностями на наш язык уже не могут.

С другой стороны, когда консолидирующее влияние общеармянского языка на диалекты с VII—VIII вв. уже перестало существовать по причинам политического порядка, в связи с политико-культурным раздроблением Армении, то центробежные силы уже начинали превалировать, и диалекты уже стали усиливаться и развиваться самостоятельно. В VIII веке в диалектах уже встречаются такие формы, как pazuk или

phazuk „свекла“ при общенародном и литературном bazuk. Говорится уже о периферийных семи диалектах наряду с центральными. С этого же времени, точнее в IX—XI вв., перерождается твердое ł (русск. лъ) в звонкий фрикатив γ; в известных диалектах древние b, d, g, dz, dž становятся либо глухими, либо аспиратами: звонкими аспиратами в начале и глухими аспиратами в середине, смотря по диалекту и по месту в слове. Новоармянский язык сохраняет для начальных b, d, g, dz dž их древнее произношение. Дифтонги и трифтонги перерождаются в монофтонги: aw>ō, aj>ē или a, oj>i или u, ea>e, eaj>ē и пр., а с другой стороны „e“ и „o“ в начале слова (иногда и в середине) становятся „je“ и „wo“ (u̯o) или vo. Древняя редукция гласных, в зависимости от перемещения места силового ударения, ослабевает и не проявляется с той закономерностью, как в древнеармянском языке.

Даже структура современных диалектов довольно отдалилась от структуры древнеармянского. В последнем склонение имен разно происходит в единственном и множественном числах, за исключением творительного падежа множественного числа, который повторяет форму единственного числа, прибавляя признак множественного числа (kh), как это имеет место и в спряжении, где для первого лица множественного числа настоящего времени повторяется форма единственного числа первого лица, к которому прибавляется тот же знак множественности (kh). В диалектах же, как и в современном литературном языке, развившемся на основе араратского диалекта, формы склонения единственного числа повторяются и во множественном числе, имея до этого приставление -er или -ner для множественности, совсем как в тюркских языках или в современном грузинском, в этом случае пережившем участь

современного армянского в отношении своего древнего периода. Получилась как бы новая структурность, развилась аналитическая и агглютинативная тенденция на месте старой синтетической и флективной. То же самое мы видим и в глагольном спряжении наших диалектов, а также и в литературном общенародном языке современных армян.

Если можно все эти морфологические пертурбации назвать закономерностями, ибо они сейчас для нас уже нормативны в отношении структуры и морфологических норм древнеармянского и стали законами, то смело можно сказать, что все эти новоизменения в армянских диалектах (и в современном литературном армянском) в своем ускоренном оформлении обязаны особенно тем политическим и культурным факторам, о которых я уже упомянул выше, а именно отсутствию консолидирующего влияния государственности, а также церкви. С этой точки зрения мы должны изучать языковые факты и процессы не в отрыве от истории данного народа, а в связи с этой историей, хотя, как я уже указал, влияние исторических изменений сказывается не сразу, а с течением многих веков. Я не говорю о лексике, которая непосредственно отражает многие исторические перемены.

Начавшееся уже с средних веков (VIII—XI вв.) более или менее самостоятельное, не сковываемое консолидирующими нормами грабара, разнонаправленное развитие армянских диалектов, особенно в грамматике (в склонении, спряжении и отчасти в словообразовании), было до этого имманентно уже обусловлено и спорадически давало себя чувствовать и проникать даже в самую систему грабара, хотя доминирующая и консолидирующая роль хайского языка (т. е. языка бывшего политического объединения Хайа-

273—3

са) при своем распространении на территорию Урарту, начиная с начала VII в. до н. э., сталкивалась с разными противостоящими этно-языковыми условиями. Эти начальные дифференцирующие задатки, пережиточно еще бытовавшие даже в период расцвета общеармянского государственного языка (грабара), естественно должны были разрастись, перерасти в новые особенности в спряжении и склонении, синтаксисе, общей структуре и системе, дать новые образования диалектов -um, -ku, -lis, новое управление с несогласованным определением в род. п. на первом месте (hor tunə „дом отца“ при древнем tun hōrn), с послелогами вместо древних предлогов и пр.

Не можем отрицать и влияния других соседних языков на отдельные, спорадически дающие себя чувствовать сферы, особенно в области лексики. Но такие явления как синтаксические, что сейчас противоположны грабару, были обусловлены *своим собственным развитием*, подобно грузинскому, а не влиянием тюркских языков, как трактовал в одно время проф. hP. Ачарян.

8. Закономерности в зависимости от изменений в мышлении и семантике слов

И. В. Сталин в своей классической работе „Марксизм и вопросы языкознания“ по поводу развития языка говорит: „Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества“[1].

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

История развития конкретных языков подтверждает это марксистское понимание и его постановку у товарища Сталина в противоположность тем „теориям“, которые рассматривают изменения в жизни языков, как непосредственные реакции на беспрестанные внешние импульсы, будь это технические новшества и изобретения, классовые интересы или потребности, идеологические сдвиги в связи с переворотами, разделением труда, ролью магов, профессий и т. п.

При выяснении эволюции развития сохранившихся языков, для чего нам нужны материалы конкретных языков на продолжении сотен лет, а еще лучше нескольких тысячелетий,—мы должны, во-первых, дать сравнительное описание по периодам или фазам постепенного перехода или развития языка, где наблюдаются некоторые сдвиги или изменения. А этого не может не быть в той или иной степени. Правда, есть языки, большей частью с крестьянским бытом их носителей, которые изменились незначительно, тогда как в тот же приблизительно промежуток времени другие языки изменились более сильно. Я уж не говорю о разностепенной изменяемости отдельных сторон одного и того же языка, особенно грамматики в отношении лексики, т. е. того, что называют проницаемыми или непроницаемыми сферами, хотя в конечном счете все части языка подвержены воздействию и изменению. Вопрос только о степени, времени и специфике элементов.

Независимо от этого, мы в жизни языков должны особо отметить процессы образования и бытования внутренних законов их развития, ибо неизменных состояний в языке не может быть. Вопрос состоит сейчас только в том, что же может собой представлять процесс изменения в языке, каковы тенденции этих изме-

нений, какие из них мы можем назвать законами и какими? Что эти состояния меняются и должны меняться, это не вызывает сомнений, это как бы присуще языку, имея в виду также общий прогресс мышления и цивилизации, начиная от примитивных состояний языка и мышления первобытных людей („дологическое мышление"), хотя язык может пережиточно унаследовать многое от первоначальных представлений и оценок, ничего общего не имеющих для современного миропонимания. Например, многие языки сохраняют так называемые именные классы (роды) для женского, мужского, предметного („sächliches Geschlecht"), животного, высшего - низшего, одушевленного - неодушевленного и прочих слов-имен, выражая их особыми звуками-показателями, приставленными к этим словам. Многие языки передают в глагольной личной форме также отношение к объекту глагола, хотя в предложении уже имеется особое слово для этого объекта. Многие языки в одном слове-имени передавали не только отношение к лицу, определенности, роду или классу и т. п., но и сложные численные отношения двойственности, тройственности и даже четверного выражения, тогда как языковое оформление позднее постепенно освобождалось от всего этого балласта в одном слове, и все подобные реляции передаются уже особыми словами, а числовое выражение в одном слове (имени и глаголе) сводится к единственности и множественности.

Такие пертурбации мы можем проследить и в отношении морфологических категорий лица. И все эти изменения связаны с прогрессом мышления и культуры. И когда, например, раньше русский человек мог говорить „барыня кушают", что логически для нас является сейчас нонсенсом, то это вполне правильно по-

нимается и объясняется при рабском положении крестьянки у помещика. Также мы объясним, когда в германском или итальянском языках при обращении ко второму лицу, слово оформляется не только во множественном числе из-за учтивости, но и меняет второе лицо на третье. При всем этом языки отражают не только новое, прогрессивное, но и сохраняют по традиции многое из старого.

Это предшествующее состояние языка сказывается не только в мышлении и мировоззрении, но и в структурно-морфологической области. Некоторые писатели-армяне, например, захотели под влиянием греческого языка ввести местоимение третьего лица женского рода „она“ и рядом с арм. na *(նա)* „он“ сформулировали nē *(նէ)* для женского рода, но, конечно, это не было воспринято народом, ибо вообще категория рода чужда нашему языку. Но, когда под влиянием того же греческого языка захотели составить многие глаголы с превербиями, взяв эти префиксы-частицы из когда-то самостоятельных корней, то это привилось, потому что в армянском имелось некоторое префигирование в глаголах, хотя бы всего в нескольких случаях ham- (‖ am-), an-, t-, hə -(из hu-). Эта новая практика не только привилась, но и послужила богатым и продуктивным способом для словотворчества.

И вообще, любому языку должна быть имманентно присуща потенция развития нового явления или процесса грамматико-лексического характера, исходя из наличия специфики своего фонетико-морфологического состояния, если в рамках этого состояния выдвигается и вырастает настоятельная необходимость иметь для новой категоризации или концепции языкового мышления также и новое современное языковое оформление.

Армянский язык, как видели, обходится без формально-грамматического выражения уничижительных существительных (домишко, городишко и пр.), без формального выражения увеличительных (домище, городище и пр.), не отражает в мышлении и оформлении таких видовых (аспектных) тонкостей, как русские бросать || бросить, двигать || двинуть, писать || написать и т. п., обходится без мужского, женского и прочих родов, подобно многим языкам. Но когда в древнейшее время из нейтрально-диффузного понимания глагольной формы „транзитива" возникла актуальная необходимость также и разноформенного отражения обособившихся в мышлении действительного и страдательного залогов, то этот древнеармянский язык сумел, хотя и в несовершенном виде, создать и новые формы для этих залогов. Так, для „u" спряжения формы настоящего, прошедшего несовершенного и будущего времени не дифференцированы—thołum „оставляю" и „оставляюсь", thołui „я оставлял" и „я оставлялся", thołucum „я оставлю, оставил бы", но и „оставлюсь, оставился бы", но для „a" спряжения, которое также не дифференцировано в формах настоящего и прошедшего несовершенного времен, для будущего уже имеются две формы: например, kardajcem „прочту" и kardajcim „буду прочтен", а глаголы „e" спряжения дифференцируются в настоящем времени: grem „пишу", но и grim „пишусь" (при дифференцированном же будущем—gricem „буду писать" и gricim „буду написанным" и при общем имперфекте grei). Формы аориста для всех глаголов „e", „a" и „u" спряжений уже дифференцированы (greci-grecaj, kardaci-kardacaj, thoł-thołaj). Но остались не дифференцированными причастия (за исключением причастия наст. вр.), напр. thołeal значит и „оставивший" и „оставлен-

ный“, thołaç—те же значения, thołloc (прич. буд. вр.) имеет также два значения (ср. из евангелия: mi omn i dzēndž matneloc ē zis „некто из вас предаст меня“, но ordi mardoj matneloc ē „сын человека будет предан“). Даже причастия буд. вр. на -li имеют два значения, как sireli, ateli и пр. значат „любимый“, „ненавидимый“ и пр., но и „любящий“, „ненавидящий“ и пр., от чего остались современные banali „открывающий“, т. е. ключ, hoseli „развеивающий“ (инструмент для развеивания молоченного хлеба), açeli „бритва“, uneli „щипцы“ и т. п. Современное диалектное причастие на -uk (-ուկ) также имеет значение обоих залогов, как čoban xabuk „пастуха обманывающий“ (птица), sirt mašuk (литер.) „сердце изнуряющий“ и пр., но напр. isa teł phoruk a „это место выкопано“, namak gruk a „письмо написано“ и т. п. Тем не менее наши диалекты лучше и совершеннее древнеармянского языка развили дифференциацию залогов тем, что создали для страдательного залога особый форматив (w), вставляемый перед личными окончаниями, в причастиях, как и в неопределенном „наклонении“ (напр. grel „писать“—grwel „быть написанным“, grum ē пишет, но grwum ē „пишется“ и т. д.).

Мы знаем, что есть даже языки, в которых подлежащее (субъект) и прямое дополнение (объект) принимают разные формы, смотря по тому, является ли глагол действительного или среднего залога, как в урартском, хурритском и других. На этом основывается и эргативная конструкция в кавказских и других языках.

Как видим из истории армянского языка, в течение очень длительного периода имманентно, без внешних внезапных импульсов, оформилась дифференциация двух противоположных глагольных залогов—действительного и страдательного. Это есть самобытное

национально-оформленное явление и отвечает общеязыковой практике в известный период развития нашего языка и мышления.

Для данного конкретного языка оформление может получиться разнородное, хотя иногда бывает между языками и внешнее сходство (ср. суффиксацию w в новоармянском и la в турецком для страд. залога). Это есть проявление самой сущности становления прогрессирующего языка, для новой потребности, для нового вида языкового мышления, для отражения формы (рода) этого мышления.

* * *

Из изложенных мною разных внутренне-языковых процессов, в частности из описания дифференциации залоговых категорий в армянском языке, осуществленной в продолжение тысячелетий, нам становится сейчас еще более очевидной антинаучность марровских взрывов в мышлении и языке с *„законом семантической противоположности“* и пр. Н. Марр говорил: «...мышление, как язык, есть явление „становления“, и его сущность и техника, а с ним его роль, изменяются в корне по сдвигам. Сдвиги настолько мощны, настолько громадны по создающимся за сдвигами изменениям, что новые поколения кажутся пришедшими из другого мира сравнительно с теми прежними, от которых они произошли: на двух берегах пропасти, образующейся между ними, два противоположных предмета и, казалось бы, противоположные понятия обозначаются одним словом. Одно и то же слово на одной стороне, покинутой стороне, голова да начало, а

на новой... значит хвост, конец, на одной стороне огонь, на другой—вода, на одной стороне день, на другой—ночь. Мир при таких сдвигах переворачивается верхом вниз или, вернее сказать, низом вверх, сбиваясь в пути с одного направления или измерения на другое»[1].

Лингвист, изучавший конкретную историю языков со всеми фонетическими, морфологическими, лексикологическими процессами и законами, не может признать „закон семантической противоположности“ с наименованием одним словом и дня и ночи, и начала и конца, и огня и воды и т. п. Если, конечно, не придерживаться исторического развития языка и если пренебречь фонетическими закономерными изменениями, а у Марра, как говорили еще академик К. Залеман и проф. Крымский, „все звуки переходят во все звуки“, то возможны, конечно, такие выкрутасы. В армянском, например, есть глагол parap-el „быть незанятым“, но и „быть занятым, заниматься“, подобно груз. mocale „праздный, незанятой“ но mocaleba „заниматься“, вроде греч. sxolazo „быть праздным, незанятым“, „отдыхать“, но и „заниматься“, в частности „учить, проповедывать“ (в часы досуга). Тут два противоречащих на вид значения нужно понять психологически, а не в разрезе марровских семантических „законов“. Вспомним его „семантические законы“ относительно „пучков“, в которых, например, слово рука может в дальнейшем обозначать „женщина“, „вода“ и пр. При отсутствии исторически проверенных фактов языка и его закономерностей все можно сказать.

Некоторые наши советские лингвисты продолжают выдвигать „закон семантической цепи или цепного

---

[1] Н. Марр. Избран. работы, т. III, стр. 95—96, М—Л., 1934.

развития"[1]. Тут специального „закона" я не вижу. От одного начального значения, естественно, может образоваться много новых значений, иногда так далеко отходящих от первоначального значения, что их правильно называют омонимами. Но по каким „законам" они осуществляются? Нет сомнения, что тут действуют обыкновенные психические ассоциации по смежности, сходству, функции („функциональная семантика") и, возможно, по противоположности, хотя это тоже можно подвести под ассоциацию по смежности. Сами же значения образуются и понимаются вследствие новых понятий, новых потребностей, в соответствии с исторической эпохой. Так, когда слово для понятия „изгороди" (для скота и пр.) в монгольском становится в позднее время „городом", то это явление вполне закономерно и наблюдается также в других языках: ср. городить, ограда... и город, урартское patari „город" от корня pat-„окружать" (есть в армянском, аккадском и хеттском). Слово bure во французском значило „скатерть из верблюжьей шерсти", откуда bureau „стол", а затем „канцелярия", „люди этой канцелярии" и, наконец, „целое учреждение" („бюро труда") и „люди этого учреждения" (политбюро). Ср. также многочисленные переходы слова „острый", „операция", „сезон" и пр. В армянском akn „глаз" стало означать также „драгоценный камень" (на перстне), а в народе и „колесо", из которых мы можем создать новые производные слова (напр. aknełēn „драгоценности").

За исключением собственных имен и узких терминов, все нарицательные слова должны иметь переходные значения, ибо для каждого лексического нюанса

---

[1] Например, у Т. А. Бертагаева в статье „К вопросу о внутренних законах развития полисемии". См. Известия АН СССР, отд. лит. и языка, т. X, вып. 6, 1951, стр. 573—589.

мы не можем создать соответствующего слова, что было бы балластом для нашей памяти и языка. Но, с другой стороны, мы не можем иметь „закона“ для семантических нюансов и переходов любого слова, т. е. *внутренних законов* для полисемии слова и семантических пучков. Кто мог бы предвидеть, что во многих языках слова, обозначающие доброту, мягкость или искренность, стали обозначать тем самым и глупость. Или как это стало, что глагол „организовать“ в известном жаргоне означает и „воровать“? Примеров, конечно, бесчисленное множество. Мы можем объяснять эти переходы, но устанавливать „внутренние законы“, как регулярную норму, мы не можем, тем более, что в жизни языка устаналиваются разные периоды с разными иногда противоречивыми воззрениями. Например, слово „деревня“ (село) в грузинском языке обозначает одновременно и „мир, вселенная“, или слово „сын“ в некоторых семитических языках (отчасти и в древнеармянском) приобрело особый смысл и функцию, как „сын пути“ (=путник), „сын города“ (=горожанин). сын сада (=садовник), „сын стада“ (=пастух) и т. п. В некоторых же языках (турецком, армянском, сирийском) слово „весь, целый“ означает также „живой, здоровый“ (ср. также русск. целый и исцелять).

Некоторые лингвисты хотят выдвинуть, наряду с внутренними законами развития языка, также и общие законы, под которыми они подразумевают коммуникативный характер языка, процесс постепенной замены элементов старого качества новыми элементами, разную в хронологическом отношении эволюцию компонентов или элементов языка и т. п. Но, по-моему, это составляет постоянную функцию самого языка и вытекает из самой его сущности и, следовательно,

незачем их подвести под понятие „закона“ и более запутать конкретность нашего понимания „внутренних законов развития языка“.

В заключение могу сказать, что строительные и морфологическо-фонетические или морфологическо-лексикологические возможности языка не безграничны, они обусловлены многими обстоятельствами и формально-языковыми состояниями. Такие процессы и явления не всегда приобретают четкий оформленный и законченный характер. Не знаю, в какой степени нужно применить термины „закон“ или „закономерность“ в отношении голых фонетических изменений, хотя бы и нормативных и регулярных. Но подобные и другие грамматико-лексикологические процессы нужно подвести непременно под действие „внутренних законов развития“ если *они более или менее регулярны и вместо бывшего содержания, структуры и функции приобретают новое значение, новую концепцию, вызывают перемену в других конструктивных частях системы языка и имеют в общем новое конструктивное значение для прогрееса языка, для его развертывания и совершенствования*. Несомненно, эти внутренние законы развития, как конкретно-языковые достижения, отражают национально-самобытное своеобразие данного языка, как исторически сложившегося организма, хотя, как я подчеркнул в этой работе, перипетии общественной жизни в грамматике (морфологии) непосредственно не отражаются.

Естественно, нам недостает еще много работ историко-исследовательского характера по определению и выявлению „внутренних законов развития языка“. Требуется совместное усилие многих лингвистов, чтобы эта проблема была окончательно решена, и не сомневаемся, что эта проблема, затронутая нашим великим

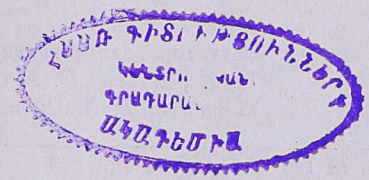
учителем И. В. Сталиным, как и другие его положения, будет интенсивно изучаться на материалах того или другого конкретного языка.

Эта работа—лишь один из первых опытов в этом направлении, с использованием богатых данных древнеармянского языка и его современных диалектов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

1. Качественность фонетических изменений 6
2. Инфигирование r и l (l) для словотворчества 14
3. Дифтонгизация корня или основы глагола через прибавление к их гласным сонанта w для образования отглагольных имен существительных 17
4. Возникновение новых именных категорий рода (человека, времени) как новоармянское явление 18
5. Закономерности при словообразовании от звукоподражательных корней 20
6. Закономерности словообразований вследствие „лексической диссимиляции". 25
7. Историзм в становлении языкового явления по данным развития армянского языка 30
8. Закономерности в зависимости от изменений в мышлении и семантике слов 34



Отв. редактор *Э. Б. Агаян*

Редактор издательства *А. М. Восканян*
Техн. редактор *П. А. Сароян*
Корректор *Р. А. Штибен*

Рисо. № 129 зак. № 273 Тираж 3000 ВФ 07010

Сдано в производство 4/VIII 1952 г. Подписано к печати 3/X 1952 г.
Бумага 82×108 1/32. 3 печ. лист. 2 изд. лист.
Цена 1 р. 20 коп.

Типография Академии наук Армянской ССР,
Ереван, ул. Абовяна, 124

12к.

~~ЦЕНА 1 Р. 20 К.~~